

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Месть
графа

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд

Месть графа

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1998

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Картленд Б.

Месть графа / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1998 — (На крыльях любви)

ISBN 978-617-12-4906-6

Чарльз Линдон – настоящий герой, рыцарь из сладостных девичьих грез. Вернувшегося с войны графа окружает хоровод светских красавиц. Но сердце Чарльза давно принадлежит очаровательной Сильвер Банкрофт – первой красавице Лондона. Только ее губы слаще меда, а глаза – прекраснее неба. Но строптивая красотка отказывает Чарльзу... Честь и чувства графа задеты. Он затевает коварную игру, чтобы отомстить прелестнице. Неожиданно его помощницей становится миловидная деревенская девушка Рания...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-617-12-4906-6

© Картленд Б., 1998
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1998

Содержание

Барбара Картленд	5
«Розовая серия» Барбары Картленд	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд
Месть графа
Роман

Barbara Cartland

The Earl's Revenge

© Cartland Promotions, 2013

© Shutterstock.com / horiyan, creativepro, Jiffy Avril, nadi555, обложка,
2018

© DepositPhotos.com / Tihon6, обложка, 2018

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное
оформление, 2018

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд, скончавшаяся в мае 2000 года в возрасте девяноста девяти лет, по праву считается самым известным автором романов о любви. Она была самой плодовитой писательницей в истории, поскольку за год могла написать больше книг, чем любой другой автор, благодаря чему занесена в Книгу рекордов Гиннесса.

За свою жизнь она написала семьсот двадцать три книги, которые были переведены на тридцать шесть языков, и их общий тираж составил свыше миллиона экземпляров.

После ее смерти неизданными остались сто шестьдесят рукописей – больше, чем у какого-либо другого писателя.

Помимо романов о любви, из-под ее пера вышли исторические биографии, шесть автобиографий, театральные пьесы, практические пособия о жизни, любви, пользе витаминов и поваренные книги. Она также была политическим обозревателем и ведущей радио-и телепрограмм.

Свою первую книгу, «Ажурная пила», Барбара Картленд написала в двадцать один год. Книга стала мировым бестселлером и была переведена на шесть языков. Барбара Картленд продолжала писать всю жизнь, на протяжении семидесяти шести лет. Ее романы пользовались потрясающей популярностью в Соединенных Штатах Америки. В 1976 году ее книги заняли первое и второе места в списке бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс» – такого успеха не знал никто из авторов ни до, ни после нее.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни и навсегда запомнится нам своими чудесными романами о любви, которыми восторгаются читатели по всему миру.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь ее романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд читатели.

Настоящая любовь не меняется и не исчезает ни со временем, ни с приходом старости, ни со смертью.

Барбара Картленд

Глава первая

1819 год

Чарльз Линдон правил своим легким и стремительным фаэтоном «Хайфлаер».

Эта четверка лошадей была лучшей из тех, на которых Чарльзу когда-либо доводилось ездить.

Фаэтоны этой модели становились все популярнее среди молодых повес при Сент-Джеймском дворе, и Чарльз с гордостью владел своим, который приобрел сразу же после возвращения из рядов оккупационной армии во Франции.

Посадка у этого фаэтона была достаточно высокой, а управлять им было очень и очень нелегко, особенно когда он был запряжен четверкой лошадей.

Задние колеса имели в диаметре невероятные пять футов и восемь дюймов, а дно кузова находилось в добрых пяти футах от земли.

Чарльз полагал, что это самый спортивный экипаж, каким только может обладать джентльмен. Стремительный и красивый, он как будто был создан для того, чтобы лететь стремглав, но для управления им требовались недюжинная сноровка и отчаянная смелость. Впрочем, помимо столь несомненных достоинств, наличествовали и недостатки, к числу коих относилась возможность несчастных случаев, которые нередко становились фатальными.

Но этот элемент дополнительного риска лишь горячил кровь молодых повес, что таило в себе особое очарование.

Кстати, фаэтоны «Хайфлаер» вызывали восхищение не только у джентльменов. Неслыханная высота модели позволяла светским модницам с презрением взирать сверху вниз на пешеходов.

У Чарльза Линдона никогда не возникало необходимости смотреть на кого-либо сверху вниз, он и так прекрасно осознавал собственную значимость и положение.

Вернувшись с войны, он, вне всяких сомнений, стал самым привлекательным, самым изысканным и самым популярным среди всех молодых щеголей, собирающихся в клубе «Уайт».

Собственно говоря, он завоевал Лондон приступом.

Вернувшись из Франции с двумя наивысшими наградами за храбрость от герцога Веллингтона, он стал самым молодым командиром крупного войскового соединения в Британской армии.

Герцог столь лестно отозвался о Линдоне в разговоре с принцем-регентом, что отныне Чарльз стал постоянным гостем в Карлтон-хаусе.

Кроме того, он был невероятно богат – покойные отец и мать оставили ему огромное состояние.

И в довершение ко всему, он считался предполагаемым наследником своего дяди, графа Линдонмора, который вот уже несколько лет серьезно недомогал, но тем не менее ухитрился дотянуть до шестидесяти пяти лет.

Короче говоря, Чарльз Линдон был видным молодым человеком с прекрасными перспективами.

Большинство друзей обожали Чарльза и подражали ему. Но, разумеется, были и такие, кто завидовал ему и ревновал его. Особенную досаду у них вызывал успех Чарльза у первых красавиц общества, обычно именуемого «*Beau Monde*», что по-французски означает «высший свет».

Завистники называли его «*призрачным пэром*».

Чарльз делал вид, что прозвище забавляет его, хотя на самом деле оно лишь изрядно раздражало его.

Целый год после возвращения из Франции он предавался в Лондоне бездумному веселью и бесконечным празднествам. В его объятия готовы были броситься не только опытные замужние и вдовы дамы, его также преследовали и все достопочтенные матроны, имеющие дочек на выданье.

Славящиеся своей красотой жрицы любви – группа куртизанок, или иначе киприоток, названных так в честь Афродиты, – пребывали в это время в особом почете. Не имея права посещать балы, которые устраивало для своих членов высшее общество, эти любовницы состоятельных джентльменов проводили свои собственные гламурные вечеринки. Не было ничего удивительного в том, что Чарльз пользовался оглушительным успехом у самых прелестных, талантливых и популярных киприоток.

Собственно говоря, жизнь его стала беззаботной и, пожалуй, слишком идеальной. Временами Чарльз ловил себя на том, что скучает и жаждет душевных волнений и неожиданных приключений, наподобие тех, что случались с ним на войне.

Именно поэтому, приближаясь к возрасту двадцати восьми лет, он решил, что настало самое подходящее время сочетаться браком.

Он владел одним из самых роскошных особняков в Англии.

Поместье Линдон-холл в графстве Беркшир принадлежало его семье еще с семнадцатого века.

Старый дом был снесен, а пока возводился новый, граф Линдонмор перебрался в Нортумберленд, где, по его мнению, рыбалка и охота на шотландских куропаток были наилучшими в стране.

Таким образом, семейный особняк он передал своему брату, отцу Чарльза.

Чарльз вырос в Линдон-холле и любил поместье больше всего на свете.

Постройкой нового особняка руководил величайший архитектор того времени – Роберт Адам.

Его гений формировался в школе архитектурной мысли, берущей свое начало от эпохи итальянского Возрождения. Поскольку главными ценностями этого направления были строгий персональный стиль и упорядоченность, то в предшествующие годы это сочетание привело к появлению в Британии большого числа исторических домов и построек.

Однако Роберт Адам был современным архитектором, предпочитавшим традициям несколько более свободный и смелый подход. Его девизом стала не строгая точность, а развитие и движение.

И в Линдон-холле он блестяще воплотил свой замысел, придумав величественную лестницу с плавными изгибами, уникальный мраморный холл необыкновенной красоты и купол, который выглядел наиболее впечатляющим среди себе подобных.

В законченном виде дом стал больше, красивее и импозантнее любого дворца.

Приняв какое бы то ни было решение, Чарльз всегда стремился как можно скорее превратить его в жизнь.

Теперь, после смерти родителей, ему рано или поздно предстоит поселиться в Линдон-холле, – размышлял Чарльз, – и к этому времени у него должна быть красавица-супруга, способная родить ему сына или, еще лучше, нескольких сыновей. Тогда у него появятся наследники, которым он сможет завещать все свое состояние и обширные владения.

На светских балах он предпочитал танцевать с самыми очаровательными прелестницами, коих только мог предложить ему бомонд, внимательно всматриваясь в их исполненные нетерпения и страстного желания лица.

В этом роде красавиц особенно выделялась Сильвер Банкрофт, дочь видного государственного деятеля.

Она была, несомненно, самой обворожительной и самой красивой среди своих сверстниц.

С того момента, как Чарльз впервые увидел ее, он был поражен в самое сердце, хотя любовью это чувство называть было бы неверно.

Он представлял себе ее в качестве своей будущей супруги, раздумывал о том, как она будет смотреться в Линдон-холле, вполне отдавая себе отчет в том, что красотой Сильвер готова была поспорить с высеченными из камня богинями, чьи статуи украшали мраморный холл.

Кроме того, шестое чувство подсказывало ему, каков будет ее ответ, сделай он ей предложение.

Внимания и благосклонности Сильвер добивались многие. Ее осыпали всевозможными комплиментами, а количество ее поклонников, демонстрировавших самые серьезные намерения, по слухам, измерялось уже двузначными числами.

Но Чарльз ничуть не беспокоился по этому поводу.

Он непременно выйдет победителем, как случалось до сих пор везде и всегда. Он не находил никаких препятствий к тому, почему бы его лидерство не распространялось и на дела матримониальные.

Накануне вечером Чарльз во время танца с Сильвер прошептал ей на ушко:

– Я хотел бы задать вам один вопрос, но предпочитаю спросить об этом наедине.

Сильвер рассмеялась.

Ей часто говорили, что ее смех похож на чарующий звон серебряных колокольчиков.

Это стало одной из причин, почему она изменила свое имя с Сильвии, коим ее нарекли при рождении, на Сильвер.

После этого каждый мужчина, услышав, как ее зовут, неизбежно восклицал:

– Оно вам не идет. Вас следовало бы назвать Золото или Бриллиант, и никак иначе!

Она отвечала всем одинаково лукавой улыбкой, думая при этом, как было бы славно, если бы очередной поклонник изрек в ее адрес что-либо новое.

Она мгновенно разгадала намерения Чарльза, пусть даже он и не добавил более ни слова, и ответила:

– Завтра мы уезжаем в деревню, поскольку уик-энд папа предпочитает проводить именно там. А вот если вы нанесете нам визит в субботу после полудня, то я буду рада видеть вас.

Чарльз не стал говорить, что тоже будет очень рад, а ограничился ответом:

– Я буду у вас в два часа пополудни.

После чего, к невероятному ее удивлению, он не пригласил ее на следующий танец, а немного погодя вообще покинул бал, даже не попрощавшись.

Тем не менее, вернувшись в отцовский особняк на площади Белгрейв-сквер, она самодовольно отметила, что вновь взяла верх над своими подругами.

Все они наперебой пытались привлечь внимание Чарльза Линдона еще с тех самых пор, как он появился в списке потенциальных женихов.

Сам же Чарльз сейчас правил своими лошадами с исключительной ловкостью и умением, как делал все, за что брался.

Он думал о том, что свадьбу они сыграют в деревне, а после недолгого медового месяца отправятся в Линдон-холл.

Он хотел осуществить кое-какие усовершенствования в поместье, в том числе и множество реставрационных работ.

Несмотря на роскошную архитектуру, за время войны и отсутствия хозяев дом пришел в некоторое запустение, хотя старые слуги, которых Чарльз помнил с раннего детства, присматривали за поместьем как могли.

Тем не менее ремонт и обновление главных комнат, а также расшивка швов наружной кирпичной кладки требовали определенных затрат средств и времени.

Кроме того, Чарльз решил, что построит и приватный скаковой круг.

«Мне предстоит сделать очень многое, – размышлял он, – поэтому о скуке не может быть и речи. А Сильвер сможет заняться организацией развлекательных мероприятий и прочих увеселений».

Чарльз знал, что это неизбежно, поскольку стоит ему вновь поселиться в поместье, как соседи ринутся один за другим наносить ему визиты, учитывая, что многие из них были близкими друзьями семьи, когда сам он был еще ребенком.

Во время долгой войны с Наполеоном общественная жизнь замерла, но теперь, после того, как Англия одержала блестящую победу, все должно вернуться на круги своя, так что ни у кого не останется ни одной свободной минуты.

* * *

Лондон просто ошеломил его своей праздной суетой.

Перед тем как выйти из своего особняка на площади Беркли-сквер, он заметил, что на его письменном столе громоздится целая гора нераспечатанных писем.

Он не сомневался, что почти все они – приглашения, а уже в самом скором времени их должны будут сменить многочисленные свадебные подарки.

И потому он в душе был очень рад тому, что у него есть весьма умный и ловкий секретарь.

Прежний, который находился в услужении его отца, вышел в отставку, и поэтому Чарльз предложил майору Монселлу, служившему во время войны под его началом, занять место секретаря.

Чарльз не сомневался, что в самом скором времени майор наведет в его делах полный порядок и избавит от скучной рутинной работы.

Лошади, которыми он сейчас правил, были выдрессированы безупречно – только на прошлой неделе он купил их на «Таттерсоллзе».

Сейчас они бежали все быстрее и быстрее, и он подумал, что еще никогда у него не было лучшей четверки. Да, они обошлись ему дорого, но при этом стоили каждого заплаченного за них пенни.

Он свернул с дороги и въехал в чрезмерно, на его взгляд, вычурные ворота поместья лорда Банкрофта, ничуть не сомневаясь при этом, что побил все возможные рекорды, какие только можно было установить, примчавшись сюда напрямик из Лондона.

Чарльз отметил, что до двух пополудни оставалось ровно три минуты, а ему всегда нравилось быть пунктуальным.

Это было одним из достоинств, за которые его ценили в армии, и его всегда раздражало, если кто-либо из его людей опаздывал на парад.

Как и возмущало, если кто-либо из подчиненных выполнял отданный им приказ не настолько быстро, как он того ожидал.

Особняк лорда Банкрофта был огромен и роскошен, но при этом особенной красотой не отличался.

Когда фаэтон Чарльза замер на месте, от центральной двери дома по ступенькам была мгновенно расстелена красная коврая дорожка и двое лакеев в чрезмерно пышных ливреях встали по ее бокам.

Сидевший позади Чарльза грум уже спрыгнул на землю и направился к лошадям, чтобы взять их под уздцы.

Чарльз неторопливо и с достоинством спустился на землю.

Что, кстати, было совсем нелегко, учитывая, на какой высоте над землей располагалось сиденье кучера.

Когда он стал подниматься по ступенькам в дом, лакеи поклонились и его приветствовал седовласый дворецкий:

– Доброе утро, сэр. Надеюсь, ваша поездка из Лондона была приятной.

– Очень приятной, и я уверен, что установил новый рекорд скорости.

Дворецкий улыбнулся:

– Это именно то, чего мы и ожидали, сэр.

Не проронив более ни слова, дворецкий двинулся по заставленному мебелью коридору и отворил перед Чарльзом дверь в дальнем его конце.

Перешагнув порог, Чарльз тут же увидел, что комната буквально утопает в цветах.

Сильвер в розовом платье стояла у окна.

Она и сама походила на розу.

– К вам мистер Чарльз Линдон, мисс Сильвер, – зычно провозгласил дворецкий.

Она отвернулась от окна, у которого любовалась белыми голубями в саду.

Чарльз подошел к ней, и она протянула ему обе руки.

– А я уже подумала, что вы забыли о том, что собирались приехать сегодня, Чарльз.

– Вам прекрасно известно, что об этом я никак не мог бы забыть, – ответил он. – А еще я должен сказать вам, что сегодня вы замечательно выглядите.

Она одарила его очаровательной улыбкой, словно подобный комплимент был для нее внове.

– Полагаю, вы знаете, для чего я здесь, – начал он.

– Вы сказали, что хотите повидать меня, но не назвали причину.

– А какая еще может быть тому причина? Кроме той, что я хочу, как еще никогда и ничего не хотел в своей жизни, чтобы вы стали моей женой!

Сильвер вздрогнула, отшатнулась, делая вид, будто безмерно удивлена, и пролепетала:

– Откуда мне было знать, что вы хотите сказать мне именно это?

В глазах Чарльза блеснула усмешка:

– Я всегда полагал вас очень умной девушкой, Сильвер, и потому уверен, учитывая, что в последние три недели мы столько времени провели вместе, что вы знаете, что я люблю вас.

– Я думала, что, быть может, так оно и есть, – отозвалась она, – а когда вы поцеловали меня позапрошлым вечером, то в тот миг я была уверена, что мы испытываем одни и те же чувства.

– Вы действительно угадали, и вот что я вам за это привез.

Раскрыв маленькую коробочку, он протянул ее Сильвер.

Она увидела, что внутри лежит кольцо с бриллиантом.

Кольцо поражало необыкновенной красотой – в центре искрился голубовато-белый бриллиант в окружении россыпи камешков поменьше, но все той же изумительной чистоты.

Сильвер негромко вскрикнула, что, по-видимому, означало удивление или восторг.

Однако когда Чарльз вложил коробочку ей в руки и уже собрался обнять ее, она вдруг выпалила:

– *Pooodume!*

– Я думал, – проникновенным голосом произнес он, – что вы захотите поблагодарить меня без слов.

Он наклонился к ней, ища губами ее губы, но, к его удивлению, она отшатнулась.

– Мне очень жаль, Чарльз, но я не могу выйти замуж за вас.

На мгновение в комнате воцарилась ошеломляющая тишина, которую Чарльз не сразу нарушил вопросом:

– Что вы хотите *этим* сказать?

– Я хочу сказать, что не могу выйти за вас замуж, и потому не смогу принять это чудесное кольцо.

С неохотой она закрыла коробочку и протянула ему.

Он машинально принял ее.

– Ничего не понимаю. Когда я поцеловал вас ранее, вы совершенно ясно дали понять мне, что я вам небезразличен. Сейчас, предлагая вам это кольцо, я был просто уверен, что вы хотите стать моей женой.

– Тогда, в саду, я действительно испытывала к вам определенные чувства, но с тех пор обстоятельства изменились.

– Что вы имеете в виду? О чем вы говорите?

Весь их разговор казался ему совершенно невозможным.

Он и на мгновение не мог подумать, что Сильвер откажется выйти за него замуж.

Чарльз страстно поцеловал ее в саду Девоншир-хауса, после чего, по его мнению, она ясно дала понять, что безумно влюблена в него.

И теперь он никак не мог взять в толк, что она пытается ему сказать.

Как не мог уразуметь и того, почему она отстранилась от него.

– Быть может, это шокирует вас, – неуверенно продолжала Сильвер, – но я уже обещала свою руку Уилфреду Шоу.

На мгновение Чарльзу показалось, что он понял ее неправильно или вообще не расслышал – принять то, что она сказала, было решительно невозможно.

Маркиз Уилфред Шоу был на редкость непривлекательным молодым человеком.

Большинство членов «Уайта» полагали его надоедливой занудой, поскольку он мог без зазрения совести навязать свое общество знакомым, которые вовсе не желали, чтобы он присоединился к ним, после чего неприятным высоким голосом принимался без устали жаловаться на свою семью или на лошадей.

Чарльз всегда думал, что Уилфред невыносимо скучен и ужасно неказист, к тому же не умел расположить к себе женщину.

И поэтому Чарльз просто не мог поверить в то, что Сильвер действительно приняла предложение Уилфреда.

Но тут, как будто прямо перед его глазами, всплыла записка, которую он прочел сегодня утром за завтраком в «Морнинг пост»:

«...его светлость герцог Оукениоу серьезно болен, и, по нашим сведениям, об этом прискорбном факте были уведомлены все его многочисленные родственники. Его наследник, маркиз Шоу, уже отбыл в фамильное поместье в Оксфордшире, где герцог вот уже несколько недель остается прикованным к постели».

Тогда Чарльз не обратил на эту записку особого внимания.

Он решил, что, обретя герцогский титул, Уилфред станет вообще невыносим.

И вот сейчас, когда он безмолвно смотрел на Сильвер, она пролепетала, запинаясь:

– Мне очень жаль... Чарльз... если это расстроило вас.

– *Расстроило меня!* – воскликнул он. – Вы же сами прекрасно знаете, что выходите замуж за Уилфреда Шоу исключительно ради его титула. Как вы могли пасть так низко?

Сильвер отвернулась, пряча от него свое очаровательное личико.

– Я знала, что вы не поймете меня, – с жеманной улыбкой проговорила она, – но я хочу быть герцогиней, а вы сами знаете, что может пройти еще много лет, прежде чем скончается ваш дядя.

У Чарльза перехватило дыхание.

Сильвер легко дала ему понять, что тоже считает его «призрачным пэром».

Сунув в карман обтянутую бархатом коробочку, он ровным, сочившимся едким сарказмом голосом проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Разумеется, я должен принести вам свои поздравления и пожелать счастья в семейной жизни.

Отвесив ей поклон, он развернулся и направился к двери.

Но лишь только он распахнул ее, Сильвер негромко его окликнула:

– Подождите, Чарльз, подождите! Я хочу поговорить с вами.

– Нам более *не о чем* говорить.

С этими словами он вышел из комнаты, осторожно и плотно притворив за собой двери.

Неспешным шагом пройдя по коридору, он вышел в холл.

Дворецкого здесь не было, но трое дежурных лакеев проводили его удивленными взглядами, когда он прошел мимо, не сказав ни слова.

Столь же неторопливо спустившись по застеленным ковровой дорожкой ступеням, он забрался в фаэтон, и грум поспешно прыгнул на свое место позади него.

Чарльз покатил прочь по подъездной аллее.

В этот миг на верхней ступеньке появилась Сильвер.

Ему показалось, что она позвала его, но он сделал вид, будто не расслышал, и даже отвернулся, чтобы не видеть ее.

Ему по-прежнему было трудно поверить в то, что он только что узнал.

Как такое могло случиться?

Сильвер была красива, очаровательна и, как ему казалось, влюблена в него.

Как она могла унизиться до того, чтобы принять предложение руки и сердца такого непривлекательного зануды, как маркиз, только потому, что он должен был стать герцогом?

У Чарльза возникло такое чувство, словно ему отвесили хлесткую пощечину. Он вдруг понял, что не просто удивлен, а буквально шокирован и пребывает в бешенстве.

При этом он злился не только на Сильвер, но и на себя.

Как он мог, учитывая весь свой опыт, поверить в то, что она любит его и станет ему хорошей женой?

Тогда как на самом деле она думала лишь о том, чтобы обзавестись самым высоким титулом.

А уж кто к нему прилагался, не имело для нее никакого значения!

Для нее самым главным было положение претендента в обществе.

Впрочем, Чарльз сознавал, что в том, что касается женщин, он был и остается идеалистом.

Просто он любил свою мать, милую и обаятельную женщину, которая обожала его отца.

Она полагала, что ее супруг всегда и неизменно прав, и Чарльз не мог припомнить, чтобы его родители хоть в чем-нибудь разошлись во мнении. Если они и бывали не согласны друг с другом, то не в его присутствии.

Будучи единственным ребенком, он считал, что отец и мать избаловали его.

Они вдвоем заронили в его душу убеждение, что поскольку он был их сыном, то превосходил всех остальных.

В учебу в Итоне он вкладывал всю душу, но только потому, что хотел, вернувшись обратно, продемонстрировать родителям знаки отличия, которых добился.

Они были в восторге от тех похвал, которые он заслужил, и не могли скрыть свою радость от того, насколько он преуспел как в учебе, так и в забавах.

И когда в армии его карьера стремительно пошла в гору, он знал, что этим обязан своим родителям.

Он вырос с осознанием того, что должен быть исключительным всегда и везде, потому что был сыном двух таких исключительных людей.

К несчастью, оба они умерли, пока Чарльз служил в армии Веллингтона.

Стылой и промозглой зимой, когда его солдаты мерзли от холода на склонах португальских гор, первой скончалась мать, а вскоре и отец последовал за нею, прямо перед блестящим рейдом Веллингтона из Испании во Францию.

Не могло быть и речи о том, чтобы Чарльз подал прошение об отпуске. Он мог лишь написать своим родственникам.

После смерти родителей Чарльз с особой остротой ощутил свое одиночество, но всегда надеялся, что когда-нибудь найдет ту единственную, которая займет в его душе место матери.

И он был уверен, что нашел такую женщину в лице Сильвер.

Но она оказалась снобом, жадным и алчным, а заодно и указала ему, как плохо он разбирается в людях.

Упрекая себя за поспешность и недальновидность, Чарльз решил, что должен был подождать, пока не обретет настоящую любовь, которую познал, когда был совсем еще маленьким.

Направляя фаэтон по узким и извилистым дорогам, он стыдился самого себя.

Никогда более он не позволит красивому личику обмануть себя.

Никогда более он не поверит в то, что у женщины, которая ему покорилась, окажется еще и верное сердце.

Тут он сообразил, что, выставив себя на посмеище, дал повод кое-кому из своих знакомых позлорадствовать на его счет.

Собственно, он не говорил никому, что собирается жениться на Сильвер, но понимал, что этого ждали многие, учитывая, сколько времени они с ней проводили в обществе друг друга в последние несколько недель.

Только сегодня утром в «Уайте» он сообщил, что едет за город, и не сомневался, что многие из его приятелей с легкостью угадали, с какой именно целью.

Они даже подняли бокалы за него.

– Удачи, старина, – пожелали они ему.

Он и представить себе не мог, что когда-либо потерпит поражение, да еще такое унижительное.

И все потому, что старый герцог Оукеншоу, никогда не представлявший собой ничего выдающегося, должен был вот-вот умереть!

Чарльз понимал, что амбициозные матроны в обществе примут его обратно с распростертыми объятиями, но зато и враги его будут в восторге оттого, что «призрачный пэр» наконец-то сел в лужу.

Чарльз без конца спрашивал себя, что же ему теперь делать.

В Лондоне никто не поверит, что в последнюю минуту он передумал и не стал делать Сильвер предложение.

А когда о ее помолвке с мужчиной, который вот-вот должен получить титул герцога, станет известно, то над ним, «призрачным пэром», будут посмеиваться за его спиной.

Станут говорить, что в кои-то веки Чарльз Линдон получил по заслугам.

«Итак, что мне делать?» – вновь спросил себя Чарльз.

Разумеется, он мог вернуться домой, в Линдон-холл, но при этом он понимал, что в некотором смысле это будет похоже на бегство.

А ведь он всегда наставлял своих людей, что в бою следует смотреть в лицо неприятелю и стрелять первым.

Но как это сделать сейчас, он не знал.

Собственно говоря, это было практически невозможно.

Приближаясь к выезду на главную дорогу, ведущую в Лондон, он вдруг заметил, что одна из его лошадей замедлила бег.

Он немедленно остановил упряжку.

Его грум уже сам понял без подсказки, в чем дело. Это была ведущая лошадь. Осмотрев ее, он вернулся к своему хозяину.

– Боюсь, сэр, что Громовержец потерял подкову, да еще, сдастся мне, повредил ногу.

Оглядевшись по сторонам, Чарльз заметил впереди маленькую деревушку с крытыми соломой домиками.

– Узнайте, есть ли поблизости кузница, – приказал он груму.

– Будет исполнено, сэр.

Грум уже собрался отворить ворота, ведущие в первый двор, когда из дверей дома показался хозяин.

Грум, очевидно, спросил у него, есть ли где-нибудь поблизости кузница, и хозяин махнул рукой куда-то в сторону дороги.

Слуга вернулся к Чарльзу с докладом:

– Хозяин говорит, что в деревне кузницы нет, но в доме, что в пятидесяти ярдах дальше, имеется кузнечный горн.

– Мы едем туда, и, если у них найдутся нужные инструменты, я уверен, что вы, Хобсон, сумеете подковать Громовержца.

Хобсон ничего не ответил, а лишь молча прыгнул на свое сиденье, после чего Чарльз тронул экипаж с места.

Они миновали деревню и через пятьдесят ярдов увидели большие кованые открытые ворота с пустыми сторожками по обеим сторонам.

Сообразив, что именно этот дом ему и нужен, Чарльз покатил вверх по подъездной аллее.

В самом конце аллеи обнаружился большой симпатичный особняк, пребывавший, правда, в некотором запустении. Оконные стекла кое-где потрескались, а черепица на крыше зияла многочисленными дырами.

Единственное, что интересовало Чарльза, это есть ли здесь горн и находится ли он в рабочем состоянии.

Он остановил лошадей перед входной дверью и, когда Хобсон взял Громовержца под уздцы, спрыгнул на землю.

Затем поднялся по ступеням.

Дверь была открыта, но внутри никого не оказалось.

Молоточка на двери не было, поэтому Чарльз постучал в нее кулаком.

Прошло еще несколько секунд, но из дома никто не откликнулся.

Он уже занес было руку, чтобы постучать вновь, как вдруг откуда ни возьмись появилась девушка.

Бросив на нее беглый взгляд, Чарльз поразился тому, насколько она хороша.

Откровенно говоря, она была не просто мила, а выглядела настоящей красавицей.

При этом платье на ней было старомодным и потрепанным.

Чарльз отметил, что девушка изрядно удивилась, увидев его и фаэтон, стоявший перед входом.

– Прошу прощения за беспокойство, – начал он, – но одна из моих лошадей потеряла подкову, а в деревне нам сказали, что у вас имеется кузнечный горн.

Девушка улыбнулась:

– Да, конечно. Наш старый грум, который сейчас должен быть на конюшне, покажет вам, как им пользоваться. Идемте, я провожу вас.

Она прошла мимо него вниз по ступенькам и жестом пригласила Чарльза следовать за ней.

Когда они проходили мимо упряжки, Чарльз прихватил с собой Хобсона.

– Я вижу, лошади у вас великолепные, – сказала девушка. – Остается надеяться, что у нас найдется подкова нужного размера.

– Я тоже на это надеюсь.

– Должно быть, вы очень ими гордитесь, – продолжала девушка.

– Сегодня я приехал на них из Лондона и думаю, что они установили новый рекорд скорости, но на обратном пути мне, несомненно, придется быть осторожнее.

– Да, пожалуй. А вам нравится ездить на таком высоком фаэтоне? Мне еще никогда не доводилось видеть подобного.

– Это новая модель, – пояснил Чарльз, – которая в Лондоне пользуется бешеной популярностью.

– Да, она очень необычная, но при этом – очень красивая и изящная.

Они подошли к конюшне, из одной двери которой вышел престарелый грум.

– Лошадь этого джентльмена, Бен, потеряла подкову, – сказала девушка, – я надеюсь, у нас найдется что-нибудь ей на замену.

– Я должен буду взглянуть, мисс Рания, но вы же знаете, что подков, как и всего остального, у нас очень мало.

Девушка ничего не ответила груму, но на лице ее отразилось беспокойство.

Чарльз понял, что дела в этом поместье оставляют желать много лучшего.

Хобсон завел лошадей во двор конюшни, и вся компания принялась осматривать копыто Громовержца.

– Думаю, что у нас есть кое-что подходящее, – заявил Бен.

Девушка повернулась к Чарльзу.

– Если вы готовы оставить ненадолго своих лошадей, – предложила она, – то, быть может, не откажетесь от чашки чаю. Вы возвращаетесь в Лондон, и вам предстоит долгий путь.

– Вы совершенно правы, и я с удовольствием выпью чашечку чаю, если это не доставит вам хлопот.

– Идемте со мной в дом.

Когда они вошли, Чарльз сказал:

– Я слышал, как ваш грум назвал вас мисс Рания. Очень необычное имя.

Девушка коротко рассмеялась:

– Все всегда говорят одно и то же. В старину мое имя означало «принадлежность к королевской семье», чего, как вы сами видите, нет и в помине!

Она широко развела руками.

Чарльз уже и сам обратил внимание, что сад перед фасадом дома запущен и зарос сорняками. Из кустов на цветочные клумбы протянулись колючие побеги ежевики.

Он ничего не сказал, но, когда они вошли в дом, сразу заметил, что и внутреннее его убранство выглядит весьма плачевно.

Обои на стенах отклеились, а ковры под ногами протерлись до дыр.

В коридоре висели несколько картин, которые показались Чарльзу старинными и дорогими, но они нуждались в хорошей чистке.

Рания отворила дверь в гостиную, но и здесь вся мебель требовала пристрастного к себе внимания и ухода.

– Если вы подождете, я принесу чай, – сказала Рания.

Услышав, как застучали по коридору ее каблучки, Чарльз понял, что в доме, наверное, слишком мало слуг, если они вообще остались.

Оглядевшись по сторонам, он отметил, что некогда гостиная была очень уютной и милой.

«Похоже, – подумал он, – что из-за войны все здесь пришло в небрежение. Должно быть, они крайне стеснены в средствах, если допустили подобный упадок».

Спустя некоторое время в комнату вернулась Рания с подносом в руках.

На нем стояли серебряный заварочный чайничек, кувшинчик со сливками и две чашки из китайского фарфора. Кроме того, на тарелке лежали несколько кусочков сухого печенья.

Опустив поднос на столик подле одного из диванов, девушка разлила чай.

– Прошу простить меня за то, что доставил вам столько хлопот, – извиняющимся тоном сказал Чарльз.

– Ну что вы, какие пустяки! Разве что наша кухарка слишком стара, чтобы выйти из кухни. Ее супруг, дворецкий, отправился в лес взглянуть, не попался ли в силки хотя бы кролик. Если нет, то сегодня на ужин нам нечего будет есть.

Чарльз присел на стул.

– Неужели все так плохо? – осведомился он.

– Все гораздо хуже! – ответила Рания.

– Но ведь вы не можете жить здесь совсем одна?

Рания покачала головой:

– Нет конечно. Теперь, когда война закончилась, со мною живет мой брат.

– И чем же он сейчас занят?

К его удивлению, огромные голубые глаза Рании наполнились слезами.

– Он катается верхом... на Стрекозе... в последний раз!

Слезы хлынули ручьем и потекли по щекам.

Она поднесла к глазам платочек.

– Прошу прощения, – вздохнула она. – Я веду себя очень глупо.

Она выглядела маленькой и жалкой.

Чарльз встал со стула и пересел на диван, поближе к ней.

– А теперь расскажите мне, в чем дело. Я терпеть не могу, когда хорошенькие женщины плачут.

– Вам не полагается... видеть их слез.

– В таком случае я сделаю вид, будто ничего не вижу. Но почему вы сказали, что ваш брат катается на Стрекозе в последний раз?

– П-потому что, – срывающимся голосом сквозь слезы произнесла Рания, – завтра она и еще одна... лошадь – последние, которые у нас остались... – будут проданы!

– Почему?

Рания лишь отмахнулась в ответ:

– Вы же видите, в каком отчаянном положении мы оказались. В данный момент вопрос решается однозначно – или мы продаем лошадей, или умираем с голоду. Двое наших слуг не получают жалованье... вот уже три месяца.

Голос у девушки вновь сорвался.

Она сердито вытерла глаза, словно презирая себя за собственную слабость.

– Полагаю, во всем виновата война, – мягко сказал Чарльз, – и, наверное, ваш брат был солдатом. Вы не сказали мне, как его зовут.

– Да, он был солдатом, и... вот что он получил за свою храбрость, когда вернулся.

Она судорожно вздохнула и сказала:

– Его зовут Темпл. Сэр Гарольд Темпл.

Чарльз вскрикнул от удивления:

– Гарольд Темпл! Разумеется, я знаю его. Мы вместе учились в Итоне, в одном колледже.

– В самом деле? – воскликнула Рания, с удивлением глядя на него.

– Собственно, мы с Гарри были большими друзьями. Мы с ним не только оспаривали друг у друга звание капитана, но и играли вместе в крикетной команде первокурсников.

– Я уверена, что Гарри будет очень рад увидеться с вами, но, как вы понимаете, он ужасно расстроен тем, что, вернувшись домой, застал вокруг такую разруху.

Рания проглотила слезы и продолжала:

– Мы более не можем позволить себе держать слуг, а фермеры, после того как съели всех своих домашних животных, перешли работать к другим людям, которые в состоянии им платить.

Чарльз подумал, что эта история – отнюдь не уникальна.

Война нанесла сокрушительный удар по многим семьям в английской глубинке, где, в довершение ко всему, в минувшем году случился неурожай, который окончательно добил многих фермеров, отчаянно пытавшихся удержаться на плаву.

Более того, британское правительство начало закупать дешевые продукты питания на континенте, отчего те крохи урожая, которые фермеры все-таки смогли вывезти на рынок, остались нераспроданными. Местные крестьяне просто не выдерживали конкуренции с зарубежными производителями, предлагавшими более дешевые цены на все, начиная с основных продуктов питания и заканчивая деликатесами.

Понимая, что подобные разговоры лишь еще сильнее расстроят Ранию, Чарльз негромко сказал:

– Сегодня явно неудачный день для нас обоих. Я сам задаюсь вопросом, то ли мне вернуться в Лондон, то ли спрятаться где-нибудь в деревне.

Рания вытерла глаза.

– Расскажите мне, что случилось, – попросила она.

– Полагаю, у всех нас бывают взлеты и падения, – ответил он, – но то, что произошло со мной, стало для меня настоящим потрясением.

– Расскажите мне об этом, – вновь попросила Рания.

Чувствуя, что его проблемы могут отвлечь девушку от мыслей о собственных несчастьях, Чарльз продолжал:

– Я только что сделал предложение девушке, будучи уверенным, что она любит меня. Но она ответила, что уже приняла предложение руки и сердца от мужчины (которого я считаю крайне неприятной личностью) только потому, что он должен стать герцогом.

– Какой ужас! Представляю себе, что вам довелось испытать! – воскликнула Рания.

– Я чувствую себя так, словно кто-то нокаутировал меня!

– Ничего удивительного. Но, с другой стороны, вам повезло, что вы не женились на ней. Если бы вы обнаружили *впоследствии*, что ей был нужен лишь титул, то уже ничего не смогли бы сделать.

– Именно это я и пытаюсь внушить себе.

На мгновение в комнате воцарилась тишина.

– И сейчас я спрашиваю себя, что мне делать: возвращаться обратно в Лондон, чтобы встретить неприятности лицом к лицу, когда друзья будут деланно сочувствовать мне и одновременно смеяться за моей спиной, или же затаиться где-нибудь в деревенской глуши?

Он немного помолчал, прежде чем добавить:

– Или, быть может, мне стоит спрятать голову в песок в надежде, что никто ничего не заметит?

– Да, понимаю, перед вами стоит нелегкий выбор, – сказала Рания. – Но, разумеется, вы поступите правильно, если проявите храбрость. Если кто-либо будет смеяться над вами, смейтесь вместе с ними. Но я знаю, это будет нелегко.

– Говоря по правде, это будет крайне трудно и неприятно. Когда вышеупомянутая леди сделает свой шаг и объявит о помолвке, я, без сомнения, буду выглядеть круглым дураком.

Рания вздохнула:

– Мне очень жаль вас, но мне пришло в голову, что, если это возможно, наилучшим выходом для вас было бы первому объявить о своей помолвке!

Чарльз посмотрел на нее во все глаза:

– Интересная мысль, но вся трудность заключается в том, с кем?

Рания улыбнулась:

– Глядя на ваших лошадей и фаэтон, я уверена, что многие девушки с радостью готовы выйти за вас замуж и любить вас ради вас самого.

– А вот я начинаю в этом сомневаться. Собственно говоря, я уже знаю, что женщины, с которыми я знаком в Лондоне, готовы сказать «да», лишь когда им предложат самый высокий титул. А тут еще меня за глаза прозвали «призрачным пэром».

– Почему это?

– Потому что я – вероятный наследник своего дяди-графа. Полагаю, ваш брат должен помнить его, и, поскольку дяде всего лишь шестьдесят пять, он пока и не думает умирать.

– Едва ли вы можете рассчитывать на то, – рассмеялась Рания, – что ваш бедный дядя умрет только потому, что вы решили жениться.

– Нет, разумеется, нет. Я всего лишь пошутил.

– Тем не менее было бы просто замечательно, если бы вы первым объявили о своей помолвке. Есть у вас на примете женщина, которая согласилась бы обручиться с вами немедленно, с тем чтобы через два-три месяца разорвать помолвку? Тогда девушка, которая столь дурно обошлась с вами, получит по заслугам.

Чарльз принялся размышлять вслух:

– Вы имеете в виду, что, если я первым объявлю о своей помолвке, все сочтут, что она согласилась стать женой сына герцога только потому, что потеряла меня?

– Вот именно! Наверняка у вас есть кто-либо, кто готов помочь вам, кузина или ваш близкий друг? Это должен быть человек, которому вы можете доверять. Потому что иначе, если она расскажет, что вы задумали, скандала не избежать.

– Вы совершенно правы, Рания, но я при этом не могу вспомнить ни одной женщины, на которую мог бы положиться. Во всяком случае, из Лондона. Они все сплетницы и будут сплетничать до тех пор, пока чью-либо репутацию не погубят безвозвратно!

– Я слыхала о таком, но, поскольку я никогда не бывала в Лондоне, то не мне об этом судить.

– Полагаю, можно заплатить той, кто согласится сыграть эту роль, – медленно проговорил он, размышляя вслух.

Он думал о тех красивых женщинах, которых видел на сцене театра «Друри-Лейн».

Но потом он вспомнил, что его родственники должны будут поверить в то, что его помолвка – настоящая, и что они придут в ужас, узнав о его намерениях жениться на актрисе.

Признавая поражение, Чарльз в отчаянии развел руками:

– Ваша идея представляется мне замечательной, но, увы, она неосуществима.

– Мне очень жаль, – мягко ответила Рания. – Мне бы хотелось помочь вам. Мы с вами оказались в одной лодке. Судьба бросила нам обоим вызов, а это – та битва, выиграть которую никто из нас не сможет.

Но вдруг Чарльз немигающе посмотрел на нее.

– В чем дело? – спросила она. – О чем вы думаете?

– Я кое-что придумал.

– Что именно?

– Если я предложу вам тысячу фунтов, *вы* согласитесь сыграть роль моей невесты?

Глава вторая

Рания отвернулась.

– Не думаю, что шутка получилась удачной, – сухо отозвалась она.

– Но я вовсе не шучу, – заверил Чарльз. – Честное слово!

Она взглянула на него, и он прочел в ее глазах изумление.

– Вы... что же... действительно... предлагаете... – запинаясь, промолвила она.

– Послушайте меня, Рания. Если я дам вам тысячу фунтов, вы сможете оставить себе своих лошадей, равно как и сделать многое из того, в чем, как я вижу, вы отчаянно нуждаетесь. Я буду с вами откровенен и скажу, что вполне могу позволить себе подобные траты. В то же время вы окажете мне большую услугу.

Она беспомощно развела руками:

– Но... это решительно невозможно. Для нас это было бы замечательно... вне всякого сомнения. Но разве кто-нибудь... поверит, что вы хотели... жениться на *мне*?

Чарльз улыбнулся:

– Вы очень красивая и, одевшись должным образом, произведете фурор в свете.

– Вы всерьез предполагаете, что элита высшего общества примет меня?

– Вы – дочь своего отца, – ответил Чарльз, – а его уважали все. Сейчас вы чувствуете себя несчастной, оттого что из-за войны оказались в стесненных обстоятельствах. А еще я уверен, что, располагай Гарри тысячей фунтов, он мог бы многое сделать не только в особняке, но и во всем поместье.

– Разумеется, мог бы, – согласилась она. – Но я уверена, что он станет категорически возражать против того... чтобы я выступила в роли обманщицы.

– Первое и самое главное соображение заключается в том, что он ничего не должен знать.

У Рании перехватило дыхание.

– Вы имеете в виду, что мы... не скажем ему правды?

– Разумеется, нет! Если вы проделываете что-либо втайне, то очень важно, чтобы никто – я подчеркиваю, никто – ничего не знал о том, что вы задумали.

Он вспомнил несколько опасных миссий, которые ему довелось выполнить на войне и которые увенчались успехом, в том числе и благодаря тому, что он научился держать язык за зубами.

– Но... моему брату вы можете доверять.

– В обычных условиях я бы с вами согласился. Гарри – славный и гордый малый. Но если мы с вами задумали нечто в этом роде, то не должны доверяться никому. Единственные, кто будет знать о том, что происходит, это вы и я.

– И вы... действительно полагаете, что... у нас получится?

При этом она думала, как славно было бы иметь в своем распоряжении тысячу фунтов. Тогда им не придется продавать Стрекозу, к тому же они, быть может, сумеют купить еще несколько лошадей в конюшню.

Кроме того, им будет под силу выплатить жалованье Джонсону и его жене, а миссис Джонсон сможет нанять кого-либо себе в помощь на кухню.

Собственно говоря, они даже смогут позволить себе снова пригласить служанок, от которых им пришлось отказаться, да и старому Бену на конюшне помощник совсем не помешает.

Глядя на нее, Чарльз угадал, о чем она думает.

– У вас появится возможность сделать все это, – негромко проговорил он, – и даже намного больше. А я куплю вам платья, которые вам придется носить в Лондоне.

На мгновение бездонные глаза Рании засияли.

– Мама была бы шокирована, если бы я согласилась принять... что-либо столь дорогое от джентльмена.

– Не верю, что ваша мама хотела бы, чтобы вы выглядели так, как сейчас, и питались бы одними только кроликами!

Рания подошла к окну и выглянула в сад. Когда-то он был аккуратным и ухоженным, но сейчас сорняков в нем было больше, чем цветов.

Она знала, что сердце матери разорвалось бы от горя, если бы она увидела его таким.

Чарльз молчал. Все-таки он неплохо научился находить общий язык с людьми, сознавая, как важно дать им время, чтобы они сами могли решить, станут ли они делать то, чего он от них хотел.

Рания обернулась к нему:

– Гарри скоро вернется домой. Вы полагаете... что он действительно поверит, будто вы появились из ниоткуда только для того... чтобы сделать мне предложение?

– Предоставьте это мне, – уверенно заявил Чарльз. – Когда на карту поставлено нечто важное, я могу быть очень убедительным. Насколько я могу судить, ничего более значимого в моей жизни не случилось со времен битвы при Ватерлоо!

Рания улыбнулась, чего он и добивался.

– Ваше сравнение неуместно.

– Отчего же? В битве при Ватерлоо я пытался спасти свою жизнь, а теперь пытаюсь спасти свою репутацию!

Рания ничего не ответила, и он продолжал:

– Я готов встать перед вами на колени, если это поможет делу. Я совершенно точно знаю, как зло будут смеяться за моей спиной, когда выяснится, что Шоу, неприятный и не пользующийся ни популярностью, ни авторитетом коротышка, нанес мне поражение едва ли не на ступенях алтаря.

Глядя на него, невозможно было усомниться в том, что для него действительно имело очень большое значение то, о чем он говорил.

– Если вы вполне... уверены в том, что я ничего не испорчу... и не станете сердиться на меня, если я наделаю ошибок... тогда я согласна.

– Большое вам спасибо! Я благодарен вам больше, чем это можно выразить словами. А теперь я бы хотел, чтобы вы надели вот это – для того, чтобы убедить вашего брата в серьезности моих намерений.

С этими словами Чарльз достал из кармана бархатную коробочку, в которой лежало обручальное кольцо, предназначенное для Сильвер.

Открыв коробочку, Чарльз протянул ее Рании, и у девушки от восторга перехватило дыхание.

– Какая прелесть! Это самое красивое кольцо, которое я когда-либо видела!

– Позвольте мне надеть его вам на палец, Рания.

Взяв ее за левую руку, он надел ей кольцо на третий палец.

Оно пришлось ей как раз впору.

– Я буду очень осторожна и верну его вам сразу, как только наше фиктивное обручение останется позади.

– Оно определенно идет вам, и, учитывая вашу красоту, вы скоро убедитесь, как много мужчин пожелают осыпать вас бриллиантами.

Рания рассмеялась:

– Думаю, что это маловероятно, но если мы сможем оставить себе Стрекозу, то большего я и не пожелаю.

Ее слова показались Чарльзу очень трогательными.

Очевидно, она очень мало знала о мире за стенами своего пришедшего в упадок дома.

А вот ее красота, получив надлежащее оформление, не останется незамеченной в Лондоне.

Быть может, когда наступит подходящее время для того, чтобы разорвать помолвку, сделать это окажется легко и просто, так как она к тому времени найдет и полюбит того, кто тоже по-настоящему будет любить ее.

Вслух же Чарльз произнес:

– А теперь, пока не вернулся Гарри, вы еще раз пообещаете мне хранить нашу договоренность в тайне и сделаете вид, будто влюблены в меня так же, как и я – в вас.

– Я попытаюсь. Обещаю вам, что действительно постараюсь. Но боюсь, Гарри сочтет очень странным то, что до сей поры я ни разу не упомянула при нем ваше имя.

– Предоставьте это мне, – вновь заверил ее Чарльз.

Едва он успел договорить, как в коридоре раздались чьи-то шаги.

Мгновением позже дверь отворилась и в комнату вошел сэр Гарольд Темпл.

– Я вернулся, Рания! – крикнул он сестре.

И тут он увидел Чарльза.

– Боже милосердный, Чарльз! – радостно воскликнул он в удивлении. – Каким ветром тебя к нам занесло?

– Я счастлив видеть тебя, Гарри. Я бы приехал раньше, но у меня были дела на севере Англии.

– Что ж, я рад тому, что вижу тебя здесь и сейчас. Я часто вспоминаю то славное времячко, когда мы учились в Итоне, особенно когда ты набрал пятьдесят очков в матче с Хэрроу.

Чарльз расхохотался:

– Подумать только, ты еще помнишь об этом! Да, в то время я очень гордился собой.

– А мы гордились тобой, Чарльз.

Гарри перевел взгляд на Ранию:

– Полагаю, ты помнишь Ранию. Но она очень выросла с тех пор, как ты видел ее в последний раз.

– Собственно говоря, Гарри, – перешел в наступление Чарльз, – она и стала причиной моего визита сюда. Ты будешь удивлен, но Рания оказала мне честь, согласившись стать моей женой!

Гарри уставился на него с таким видом, словно не верил собственным ушам.

Рания сочла, что должна что-то сделать, и, подойдя к брату, взяла его под руку.

– Это правда, Гарри, и я очень счастлива.

– Но, Рания, ты ведь никогда не вспоминала при мне о Чарльзе, – растерянно произнес Гарри. – Ты даже ни разу не обмолвилась о том, что видела его с тех пор, как мы были детьми.

– Боюсь, что это моя вина, – вмешался Чарльз, прежде чем Рания успела открыть рот. – Когда я вернулся из оккупационной армии, то задержался в Лондоне совсем недолго, после чего отбыл в Нортумберленд, дабы повидаться со своим дядей.

Гарри кивнул, давая понять, что знает, о ком идет речь, и Чарльз продолжал:

– Я часто писал Рании с войны при первой же возможности, но большинство моих писем затерялись в пути, а она поступила очень неразумно, решив, что я забыл ее.

Он улыбнулся Рании и добавил:

– Но она простила меня, и если ты взглянешь на ее левую руку, то увидишь, что мы официально обручены.

Рания вытянула руку, и Гарри в немом изумлении уставился на кольцо.

На мгновение он буквально потерял дар речи.

Рания догадалась, что он прикидывает, сколько оно может стоить.

– А где ты оставил Стрекозу? – спросила она у брата.

– Я оставил ее в загоне. Так что мне не пришлось отводить ее на конюшню, и я подумал, что ты захочешь пожелать ей спокойной ночи.

При этом он едва не добавил – «в последний раз».

Но вовремя спохватился, испугавшись того, что в глазах сестры увидит знакомое выражение горечи и страдания.

– Я сейчас же пойду и поговорю с ней, Гарри. А ты не мог бы пока развлечь нашего гостя?

– Отличная мысль, – подхватил Чарльз, – особенно учитывая, что мне нужно сказать Гарри пару слов. Но, прошу вас, не задерживайтесь. Не забывайте, завтра мы едем в Лондон и нам нужно определить наши планы.

– В Лондон! – воскликнул Гарри, опередив Ранию.

Она едва удержалась, чтобы не повторить его слова, и грациозно выскользнула из комнаты.

Оказавшись за дверью, она приостановилась и услышала, как Гарри обратился к другу:

– Должен признаться, что вы застали меня врасплох. Я поражен и до сих пор не могу прийти в себя!

– Гарри, я понимаю, что у тебя сейчас трудные времена. Вот почему я не только намерен жениться на твоей сестре, но и первым же делом в понедельник утром распоряжусь, чтобы мой банк перевел тысячу фунтов на твой счет. Так что тебе не придется продавать лошадей, а это сейчас – самое главное.

– Ты этого не сделаешь, – резко возразил Гарри.

– Могу и сделаю. В конце концов, мы с тобой – друзья детства, и, окажись в столь же неприятном положении я, непременно обратился бы к тебе за помощью, и я не верю, что ты ответил бы мне отказом!

– Разумеется, нет, Чарльз, но как я могу принять твои деньги? Я ведь никогда не смогу вернуть их тебе!

– А я и не прошу, чтобы ты возвращал их. Как тебе должно быть известно, я – очень богатый человек и, поскольку во время войны у меня не возникало трат, сбережения выросли до такой суммы, что мне даже неловко сейчас за свое состояние, тогда как у многих моих друзей не осталось вообще ничего.

– Это как раз обо мне.

– Знаю. Рания рассказала мне о том, с чем вам пришлось столкнуться, и я не только сожалею о той беде, что с тобой приключилась, но и прошу тебя о помощи.

– Меня? О помощи?

Рания по-прежнему подслушивала у двери. Она даже спросила себя, а не собирается ли Чарльз, вопреки договоренности, рассказать Гарри об их мнимой помолвке.

– Ты вернулся с войны и обнаружил, что здесь все едва не пошло прахом, – начал Чарльз.

– Да и я тоже понял, что должен многое сделать у себя в Линдон-холле.

– Верится с трудом, – отозвался Гарри. – Я всегда считал его самым прекрасным особняком из всех, которые я когда-либо видел. Да в нем не стыдно принимать самого короля!

Чарльз фыркнул:

– Меня еще не короновали, и потому я хочу внести массу изменений, прежде чем стану «монархом всего, что видит взор»¹. И в этом мне нужна *твоя* помощь.

– В чем же именно? – осведомился Гарри.

– Во-первых, мне нужен твой совет в планировке частного скакового круга. Мне всегда казалось, что Линдон-холлу его недостает. И теперь с твоей помощью я намерен построить его как можно скорее.

– С моей помощью? – пробормотал Гарри.

¹ У. Купер (1731—1800), «Одиночество Александра Селкирка». (Здесь и далее примеч. пер.)

– Мы с тобой всегда одинаково радовались жизни, – отозвался Чарльз, – и теперь я бы хотел, чтобы ты уделил время, которое сможешь, строительству скакового круга, а также при-
сматривал за работами во время моего отсутствия.

Он рассмеялся при виде ошеломленного выражения на лице своего старого друга.

– Ты не задал очевидный вопрос – а где же скаковые лошади?

– До войны они у тебя были, – сказал Гарри, – или, точнее, у твоего отца. Я помню, что он выиграл Золотой кубок в Аскоте.

– Такого же приза я совершенно определенно намерен добиться и для себя, но, как ты сам понимаешь, лошади, которых разводил мой отец, уже состарились, а тем, которые умерли или были отпущены пастись на травку, замены так и не нашлось. И в этом мне опять потребуется твое содействие.

– Ты говоришь серьезно, Чарльз?

– Я не знаю никого, кто лучше тебя разбирался бы в лошадях, и, как я уже говорил, нам с тобой всегда нравились одни и те же вещи. Поскольку я должен буду познакомить Ранию со всеми своими родственниками, то не смогу посещать аукционные залы «Таттерсоллза», равно как и объездить всю деревенскую местность в поисках лошадей, в которых мы с тобой интуитивно распознаем победителей.

Гарри потер рукой лоб:

– Я до сих пор не могу поверить, что это происходит на самом деле. Я был в таком отчаянии, что уже начал жалеть о том, что французская пуля угодила мне в ногу, а не в сердце!

– Мне говорили, что именно поэтому ты не смог вступить в ряды оккупационной армии.

– Некоторое время я провалялся в госпитале, еще во Франции, и, вернувшись в Англию, оказался ни на что не годен. Зато сейчас я здоров как бык!

Чарльз весело рассмеялся:

– Я помню, как ты говорил то же самое в Итоне и хвастался своими успехами в гимнастическом зале.

– Знаешь, если ты действительно хочешь, чтобы я занялся всем этим для тебя...

Рания тихонько отошла от двери.

Она услышала самое главное, а именно то, что Чарльз очень ловко отвлек внимание Гарри от их помолвки.

Сейчас брат начнет думать и мечтать о лошадях, так что у него не останется времени задавать неудобные вопросы, которых она так страшилась.

Она побежала к загону, и Стрекоза, заметив ее, галопом примчалась к Рании и начала тереться об нее носом.

Наконец она отвела лошадь на конюшню, где по-прежнему стоял фэзтон, хотя лошади были уже распряжены.

– Самый странный экипаж из всех, что я когда-либо видел, мисс Рания, – проворчал Бен.

– Я согласна с вами, Бен, что выглядит он очень необычно, зато, полагаю, ездит очень быстро.

– Что до меня, то слишком уж быстро, и на такой верхотуре я бы опасался за свою жизнь.

– Обещаю вам, Бен, что никто не станет просить вас править этим фэзтоном!

Она вошла внутрь, чтобы еще раз полюбоваться на великолепную четверку.

Громовержца уже подковали, и грум Чарльза, как ей доложили, подкреплялся на кухне.

Закончив осматривать лошадей Чарльза, она неспешно направилась обратно к дому.

Двое мужчин все еще разговаривали, и, войдя в гостиную, по выражению лица Чарльза она поняла, что все прошло гладко.

– Я как раз любовалась вашими лошадьми, – обратилась она к Чарльзу. – Никогда не видела такой великолепно подобранной четверки.

– Я так и думал, что они вам понравятся, – отозвался он. – А я вот договорился с Гарри, что отвезу вас в Лондон, но не в своем «Хайфлаере», в котором, как вы наверняка заметили, есть место только для одного седока, а в вашем собственном экипаже, в который можно запрячь ваших лошадей.

– Гарри поедет с нами?

– Нет, я убедил его навеститься в Линдон-холл в моем фаэтоне, поскольку ему необходимо осмотреть там кое-что, прежде чем он присоединится к нам.

Рания вспомнила, что ей не полагается знать о скаковом круге, и потому почла за лучшее промолчать.

– Боюсь, что наш фаэтон покажется тебе старым и скрипучим, – вмешался в разговор Гарри.

– Зато никто не посмеет отрицать, что лошади в него будут запряжены первоклассные, – поспешно встала Рания, – и я обижусь, если Чарльзу они не понравятся.

С непривычки она споткнулась на его имени, но Гарри, похоже, ничего не заметил, и она поняла, что он с нескрываемым восторгом предвкушает поездку на «Хайфлаере».

Они уже как-то обсуждали эту модель, и потому она знала, что поездка на нем доставит ему несказанное удовольствие.

Чарльз выказал необычайную любезность и острый ум, предоставив другу возможность поуправлять необычным фаэтоном.

– Чарльз останется у нас на ночь, – запоздало сообщил ей Гарри, – и я надеюсь, что ты устроишь его на ночлег со всем возможным комфортом. А я пока спущусь в подвал и взгляну, не осталось ли чего-нибудь выпить.

– Я буду очень удивлена, если ты что-нибудь найдешь, – заметила Рания. – По-моему, последнюю бутылку оттуда ты принес месяц или два тому назад.

– Не стоит беспокоиться, – вмешался Чарльз. – Сейчас важнее поесть, чем выпить. У нас с Ранней не будет недостатка в вине, когда все захотят выпить за наше здоровье.

– Надеюсь, не слишком много и не слишком быстро, – явно занервничав, вздохнула Рания.

– Боюсь, что именно этого никак не удастся избежать. Моя семья наверняка пожелает отпраздновать тот факт, что неисправимый холостяк наконец-то угодил в женские сети!

Все дружно рассмеялись.

– Мне бы очень хотелось, чтобы ваша мама была жива, – сказала Рания. – Помню, как она приезжала сюда однажды, когда я была совсем еще маленькой. Я сидела у нее на коленях, а она рассказывала мне сказку о феях, которые порхают над цветами и похожи больше на бабочек. С тех пор я все время ищу их!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.